

Лекция 3.

Для рассмотрения знания и познания как объективаций необходимо изучить знаковую ситуацию со стороны ее онтологических характеристик. Сейчас я начну с краткого описания некоторых существенных особенностей объективации знания и познания.

В феноменах знания и познания проявляется специфика существования знания как объекта. А существование это не просто знаковое, а системно-знаковое, или семиотическое. В семиотическом аспекте важную онтологическую функцию выполняет номинация (называние). Номинация – это фиксация мысленного предмета. У нас шел уже разговор о том, что для определения метода, работы метода существенно то, какие отождествления проводятся. Структура фиксации мысленного предмета, отождествление, объективация знания – все это связано с некоторыми актами. Когда речь идет об объективации вообще – а особенно об объективации знания – нужно иметь в виду, что всякий реализованный или непосредственно реализуемый акт имеет две стороны (аспекта, момента, модуса) своего бытия-в-мире. Это непосредственное и ближайшее опосредованное существование акта. В нашем рассмотрении удобно будет обозвать их статусами существования. Под ближайшим опосредованием акта естественно понимать его результат. С одной стороны, существование акта – это его непосредственное протекание именно в то время, когда он осуществляется. Другим моментом существования акта является некий результат, который обладает непосредственным наличием и действительностью уже после того, как сам акт отошел в прошлое. Мы будем существенно использовать возможность выделения двух этих моментов семиозиса: непосредственного и опосредованного.

Заметим, что операции, типично включаемые в сферу методологии, суть именно акты. Но разные исследователи рассматривают их, делая акцент либо на их актуальном модусе, либо на их фиксированном результате. Примеры вам хорошо известны – это индукция, дедукция, синтез, анализ. И я бы добавил еще в несколько неожиданном контексте слово "перформация", т.е.

оформление, осуществление формы или введение в форму. Перформативные грамматики вам, я думаю, известны. Что такое "перформация" как акт? Ее русскими аналогами являются "оформление" и "полагание". Но полагание есть не что иное как вынесение формы вовне. Действительно, если я что-то полагаю, то при сём акте: а) у меня имеется некоторая предположенная форма (беспредпосылочное полагание традиционно является прерогативой бога, творящего мир, или трансцендентального субъекта, а мы рассматриваем реальных субъектов, находящихся в мире) и б) этим актом некая форма как содержание этого полагания выносится вовне (отделяется от меня, не совпадает с моим существованием). Зафиксируем полагание как необходимую субструктуру деятельности субъекта вообще. Таким образом, полагание оказывается общим основанием этих методологических актов, причем как в их актуальном модусе, так и в их фиксированном результате. Но полагание еще не имеет собственно методологической специфики. Чтобы говорить о структуре метода, необходимо говорить о средствах, позволяющих неслучайным образом выбрать и утвердить (реализовать) путь в материале исследования. Иначе говоря, мы переходим к принципам.

Принцип есть регулятив. Регулятивы же некоторого предмета существуют как бы в ином плане существования в сравнении с этим предметом. Феноменологически ясно, что принцип непосредственно не относится к содержанию того материала, к которому мы "принципиально" относимся. Принцип работает на уровне предпосылок и условий осуществления некоторого содержания. Это, в частности, означает, что принцип может относиться как к актуальному движению, так и к результату, в котором движение снято. Принцип поэтому является неким ограничением полагания. В актуальном измерении принцип переводит предпосылки некоторого предмета в его условия. Заметим, что тот факт, что принципы (как построения предмета, так и его исследования) обладают функцией регуляции, ограничения, становится ясным именно в контексте условий возможности предмета. С нашей конструктивной позиции это положение выглядит так: принцип готовит место для полагания. Ведь

всякое полагание должно выносить форму в какое-то место. И именно особенности этого места конструируются в принципах. Принцип конструирует место для полагания предмета путем введения (или выделения) его типичных формальных особенностей в предпосылках (или в качестве предпосылок). И вообще, всякое предположение конструирует место для полагания. Эту же идею можно выразить и почти гегелевским языком: предположение диалектически связано с полаганием.

Теперь вернемся к уже отчасти рассмотренным нами категориям. Соотношение предпосылок с полаганием непосредственно должно быть проинтерпретировано в связи с различием конститутивных и рефлексивных категорий. Это термины неокантианства, введенные Виндельбандом. Когда Аристотель выделил 10 категорий, то все это были категории предметные. Он определил их следующим выражением: "то, что сказывается о чем-то вне всякой связи". Такое сказывание приводит к тому, что разные словесные выражения могут содержать одинаковые элементы различным образом, так, что смысл выражения представляет качество, сущность, количество, время. Соответствующие способы сказывания суть конститутивные, или объектные предметные категории.

Однако достаточно рано было понято – в частности, Порфирием – что, кроме этих категорий, есть еще и другие способы сказать что-либо, также имеющие категориальный статус, но не вошедшие в список категорий Аристотеля. Это логические категории: род, вид, специфическое отличие, определенность. Они тоже являются предметными категориями, но не объектными, а субъектными или, по-другому, рефлексивными. Список логических категорий Порфирия стал первым общим их описанием, которое задало "парадигму" логического рассмотрения на последующие века (хотя заметим, что рефлексивные категории можно вводить по-разному). Этот список дает представление о различии между объектными и субъектными категориями.

Рефлексивные категории относятся к способностям субъекта, описывают их с точки зрения задания некоторых типичных особенностей понимания. Можно сказать, что рефлексивные

категории отвечают за субъектные подструктуры предмета, тогда как конститутивные категории вводят в предмет (квази)объектные подструктуры. При полагании рефлексивными операциями (собственно, как и в случае предметного полагания) объекты возникают не на голом месте. Отчасти это было уже проиллюстрировано тем соображением, что принципы специфически конституируют какие-то места и системы мест. Место, в котором мы полагаем предмет, оказывается заранее подготовленным и предрасположенным к будущему содержанию. Имея в виду именно эту содержательную (материальную) предпосылочность, М. Шелер говорил, что, независимо от того, являются ли знания знаниями ради господства или знаниями сущностными, или знаниями ради спасения – все они суть преобразования чего-то сущего, поскольку существо, осуществляющее чистое познание без укорененности в сущем, не имело бы никакой реальности (понимая реальность как совокупность всего, что оказывает сопротивление нашему стремлению). И, на мой взгляд, фактически то же самое имел в виду Н.Бердяев, также в начале XX века утверждавший необходимость для гносеологии опираться на онтологию субъекта.

Приведенные выше феноменологические замечания выражают существенные характеристики полагания. Особенность самого нашего акта познания должна быть выражена, в частности, через особые его характеристики, особые в сравнении с бытием (или существованием), не являющимся признаком работы познания. Тут нужно рассматривать не просто результаты познания, или действие как ставшее. Следует пристально всмотреться также в самостоятельность самого акта познания, приводящего к новой реальности – к существованию со знанием. Самостоятельность акта как объекта в мире можно определять по аналогии с самостоятельностью объекта – как воспроизводство в его ходе (= им самим) предпосылок его существования. Мы будем искать определенности акта воли, переходящего в действие.

Акт воли, рассматриваемый в связи с действием, всегда первично не сделан (*non fait*), он реализуется тут и сейчас, налично. Если говорить о современных "неклассических" философских

категориях, это – экзистенция. Экзистенция – понятие еще схоластическое, но в классические системы онтологии оно как самостоятельное не включалось. Под «экзистенцией» в философских схемах XX века понимается выход единичного сущего из себя, его актуальное проявление в мире. Примерами такого неклассического употребления являются, скажем, концепции Фихте, М.Шелера и Н.Бердяева (а позднее – М.Хайдеггера, Н. Гартмана и А.Н.Уайтхеда). Так, М.Шелер и Н.Бердяев оба утверждают, что действительное существо, которое в принципе не имело бы никакого иного существования, кроме как существование в акте познания, не имело бы никакой реальности. Они, конечно, опираются на феноменологию человека, но заметим, что иной феноменологии у нас и нет.

Так вот, познание всегда является "нечистым". У него имманентно есть некий "довесок", самостоятельность, внешняя по отношению к чистому содержанию знания. Это нужно понимать так, что не только объект самостоятелен в отношении к субъекту, но и субъект самостоятелен в отношении к объекту. Самостоятельность субъекта в отношении к объекту обеспечивается, в частности, тем, что субъект должен входить в мир объектов на, скажем так, "нижнем уровне", уровне онтологии, как объект, каковым субъект в этом отношении является. Иначе субъект попросту не мог бы проявиться в мире объектов, и отношение познания "зависло" бы. В этой связи, утешая сторонников идеи превосходства субъекта над объектом, можно сказать, что, поскольку субъект – частный случай объекта, то он имманентно обладает более сложными характеристиками, чем простой типичный объект. Но обладание характеристиками простых объектов позволяет субъекту быть реальным в "нижнем" мире. Иными словами, субъект – это особенный объект. А познающий субъект – это уж совсем особенный объект.

Однако общее рассуждение о том, что субъект – объект "совсем особенного свойства", слишком неконкретно для методологии. Учитывая, что результаты познания всегда носят характер представления, сделаем очередное феноменологическое замечание. Субъект как объект, т.е. как нечто неотменимое, характеризуется наличием некоторого универсума конструирования и представления.

В этом универсуме как раз и проходит вся внутренняя жизнь и внутренняя деятельность субъекта. Этот универсум распространяется вовне субъекта в ходе преобразования (полагания) части исходного универсума. Мы сейчас заинтересованы в рациональном ограничении внимания, и потому будем полагать, что деятельность субъекта внутри себя как раз и являет собой конституирование внутренних объектов и переживание соответствующих взаимодействий.

Если же не отделяться общими словами, а попытаться указать особенности универсума конструирования, то в первую очередь нужно попытаться ясно представить феномены мышления, воображения и соображения человека. С некоторой внешней точки зрения можно зафиксировать, что течение мысли – это непосредственно и актуально представление некоего универсума (т.е. мира или фрагмента мира). Причем универсум мысли имеет относительно четкое содержание и, в то же время, не имеет четко очерченных границ. Причем человек действительно осознает его как особый универсум. Мир моих мыслей я отличаю от мира моих ощущений, от мира моего поведения и т.д. И некоторые люди способны по отношению к миру своих мыслей занимать активную позицию, они способны сознательно конструировать этот мир. Но из того, что сознательная позиция широко не распространена, не следует, что все прочие люди не конструируют. Они конструируют миры из имеющегося у них материала ("когда б вы знали, из какого сора") – но получается это некоторым неосознанным, естественным, традиционным, я бы сказал, способом.

В этой связи хорошо понятно, почему часто бывает так, что одинаковые обстоятельства рождают одинаковые мысли. Это проявляется на самых разных уровнях. Я, например, замечал несколько раз такое стечение обстоятельств. В студенческие времена у меня был друг, который сейчас живет в Греции. И вот мы заходили с ним в один букинистический магазин на Ленинском проспекте, и каждый раз, когда мы проходили мимо одного определенного места, мы разговаривали о моем отце. У меня была видимо какая-то первичная ассоциация. Я много раз с ним ходил по этому маршруту, и оказалось, что предмет разговора случался одним и тем же. Т.е. вроде

бы течение своих мыслей и предмет нашего разговора мы выбираем сознательно. Но в то же время оказывается, что, если не сопротивляться выбору и направлению своих мыслей, то они как бы заданы извне, в данном случае, составом компании и местом, в котором происходит разговор.

Я возвращаюсь к более общему рассмотрению. Создание универсума рассмотрения или универсума моделирования – это некоторая начальная позиция науки. Действительно, наука начинает с наличия такого универсума, и продвижение науки происходит в пределах универсума конструирования. Причем это не надо понимать так, что это относится только к чисто мысленным конструкциям. Когда проводится, скажем, физический эксперимент, то обстановка этого эксперимента, вообще-то, есть объективирование условий мысленного действия. И оно реально расширяется, включая чисто материальные предметы. Они тоже включаются в некоторое действие, которое изначально в рамках ситуации развития научного знания является мысленным. Примерно то же самое происходит, когда вы опрашиваете какого-то информанта. Задание ему вопросов, проясняющих, кто он такой, даты происходящего опроса, включение записывающего устройства и прочие реальные условия – все это преобразует ситуацию в некоторый практический универсум. И новый факт создается в новом, до того не реализованном универсуме. Вот пример универсума конструирования, который всегда является предметным, поскольку дело идет о человеческой деятельности, но отчасти является мысленным, а отчасти – чисто материальным. Кроме мыслей, его образуют и другие предметы, не чисто мысленные, вроде линейки и динамометра в случае физики, а в случае фольклористики – балалайки, блокнота (или магнитофона) и завалинки.

И начальная позиция науки, сначала неэффективно, но исходит из этого универсального конструирования. Условиями его создания являются знаки, с одной стороны, и смыслы – с другой. Мы будем далее везде предполагать, что научное исследование привело к условиям, когда должен родиться текст, описывающий новое знание. И в этих условиях будем рассматривать функционирование принципов в универсуме.

Принципы – это конструктивные схемы моделирования. Обычно принципы соотносятся с понятиями, а иногда (если принимать во внимание менее стандартную литературу по методологии и логике) – с "(наи)более общими" понятиями. При этом, однако, интересно, что это традиционное понимание являет некоторое реальное противоречие. Может быть, "противоречие" – слишком сильно сказано. Ну, не то, чтобы противоречие, а некая несогласованность позиций. Когда говорят о наиболее общих понятиях, то обычно имеют в виду категории. Но и принципы обычно также связывают с наиболее общими понятиями. И вот несогласованность: когда мы начинаем перечислять принципы, которыми пользуется наука, то они с известными категориями не совпадают. Тут есть некоторая неясность. То ли нужно дополнить известную нам схему категорий принципами, то ли, наоборот, надо в схему принципов включить все категории, которые нам известны. Такова стандартная непроясненность позиции, присутствующая практически повсеместно. Мы постараемся от нее избавиться.

Итак, принципы соотносятся с наиболее общими понятиями, но употребление принципов – особое. Этот момент особенности принципов был зафиксирован, по-видимому, Кантом. У него было рабочее определение "идеи". Кант, как известно, различал компоненты субъективной сферы. Он отдельно описывал такие типичные компоненты субъекта как:

- эмпирический опыт (непосредственная данность ощущений, внешних рассудку или разуму, в чувственности),
- мир явлений (феноменов), конструируемый непосредственной активностью субъекта,
- содержание суждений (а также сознания и знания), которое создается благодаря преобразованию опыта в суждения посредством системы категорий,
- принципы построения систем категорий.

Таковыми принципами построения систем категорий для Канта и являются идеи. В общем, довольно естественно понимать идеи как основные принципы, на которых основаны системы. Ведь, к примеру, если речь идет о какой-нибудь концепции, то часто говорят что-то

вроде: "основная идея этой концепции состоит в ...", или что-то подобное. Что здесь имеется в виду? Что все остальное подчинено идее, все остальное раскрывает эту идею, что-то в этом духе. Такое смутное неясное ощущение, но оно всеобщее. А это значит, что действительно за этим что-то стоит реальное. Давайте попробуем разобраться, что же за этим стоит реального. Поскольку мы рассматриваем все в соотношении с конструированием, с некоторым полаганием и объективацией, постольку нас должна занимать такая характеристика универсума конструирования, как "точка сборки". Этот термин является довольно новым. Но Кастанеда употребляет словосочетание "точка сборки", с моей точки зрения, очень неплохо. Почему бы им не воспользоваться? Тем более, что здесь есть какое-то интуитивное содержание.

Итак, точка сборки. В универсуме конструирования она всегда актуальна. Что означает это естественное феноменологическое замечание? Оно, с одной стороны, означает, что точка сборки имеет непосредственное определение здесь и сейчас. Но, с другой стороны, когда мы говорим в тексте о чем-то, всегда имеется некоторое "здесь и сейчас", по отношению к которому определяется представление. Именно его различают как проходящее, или вневременное, или существовавшее давно, или существующее в другом мире, и т.д. Различие между этими "здесь-сейчас" в том, что актуальная позиция субъекта, строящего представление, отличается от актуальной позиции рассказчика, подразумеваемой в этом представлении. Это отличие может быть, например, проиллюстрировано ситуациями, когда один и тот же анекдот рассказывают умелый и неумелый рассказчики. Неумелый рассказчик актуально реализует собственное "здесь-сейчас", тогда как рассказывает анекдот с отсылкой к некоторому идеальному "здесь-сейчас", а умелый в своем "здесь-сейчас" реализует вариант такого идеального состояния. В общем, это – позиция говорящего.

Точка сборки соотносима с локусом субъекта, с одной стороны, и с актуальным горизонтом субъекта – с другой. Сложность ее фиксации происходит из-за того, что она все время перемещается. Один французский поэт написал, что точка нашего внимания блохой

скачет по картине. Действительно, мы смотрим на картину, и актуальное внимание скачет туда-сюда как блоха. Несколько облегчается установление этого факта тем, что реальная точка концентрации внимания сравнительно более легко схватывается во внешнем чувстве. Это тот реальный момент, в котором конституируется становление содержания мысли, более явный в случае, когда имеется внешнее чувство. Если же речь идет о нашем внутреннем, скажем, о понимании, то его более сложно зафиксировать. Однако несомненным в обоих случаях остается то, что точка сборки всегда характеризуется этим самым "здесь и сейчас", которое перемещается по конструируемой форме понимания – это несомненно.

Точка сборки в миниатюре реализует развитие и выражение связей между локальными содержаниями мысли. В этой связи нужно вернуться к номинации и ее отличию от референции. Номинация – это фиксация мысленного предмета и она должна локально фиксировать непосредственно наличные особенности "здесь-теперь". Чтобы далее из этого "здесь-теперь" перепрыгнуть в другое "здесь-теперь". Номинация, как мы знаем, непосредственно связана (или всегда находится в условиях актуальной связи) с референцией и дейксисом. Это означает, что фактически в ходе конструирования мысленного предмета нами всегда актуально реализуются некоторые локальные содержания, которые имеют одновременно несколько направленностей. И эта разнонаправленность, обусловленная разными средствами, используемыми при реализации актов номинации, референции и дейксиса, всегда синтезируется в непосредственном "здесь и сейчас" нашего субъекта.

Номинация оформляет предметное содержание мысли, тогда как референция – это функция соотнесения знакового строения с этим содержанием. Обычно обращают внимание на постоянный инвариантный модус референции как акта, составляющего знаковую ситуацию – фиксированный знак представляется столь же инвариантным как бытие. Так, создание знакового выражения ощущается архаическим сознанием как создание или вызывание существующего самого по себе означенного этим знаком объекта.

Нам важно обратить внимание на противоположную позицию, состоящую в рассмотрении зафиксированного знака в функции означения, причем актуально наличен (и тем самым неотменим!) некоторый локальный контекст такой фиксации. Это содержание выражается в указательном местоимении, если отвлечься от его собственно указательной функции, обращая внимание на содержание указания. Со стороны субъекта это содержание совершенно формально и обусловлено актуальными возможностями субъекта по восприятию форм объектов. В результате такого отвлечения у нас остается предметная форма указания. Конструктивный смысл этого действия состоит в неявном введении категорий как предположенных структур места в представлении, о чем я уже говорил.

Таким образом, описывая строение и построение универсума мысли, нужно явно учитывать актуальные предположения мест. Это требует явного рассмотрения структур, которые вводятся при построении представления мира или модели.

Структуры локальные, связанные с точкой локального сиюминутного "здесь-теперь", дополняются структурами глобальными. Это логические структуры. Выясняя, как устроен универсум мысли, мы начинаем обычно с предположения о том, что он логически выстроен. Что такое логика? Это – вопрос сложный, для наших целей достаточно рассматривать логику операционально, как "систему указаний на материальную структуру". Поясню это рабочее определение. Например, логическая форма силлогизма непосредственно являет собой не что иное как систему указаний на его предметное содержание. Однако логика как система указаний необходимо несет в себе моменты номинации. Она с ними соотносительна, они ее дополняют. В то же время логика вносит нечто иное – "выравнивание" истинности выражений. Более точно, при введении логических норм и требований происходит расслоение множества высказываний на слои одинаковой истинности. Здесь, помимо гносеологического, есть и онтологический аспект. Выражения одинаковой истинности относятся к одному срезу реальности, в представлении они реальны "одновременно". Таким образом, логика представления – это предполагаемая при конструировании позиция

указания на формы представления вместе с их истинностной оценкой. Это одновременно позиция, которая вносит в представление те или иные критерии, т.е. требования к тексту.

Вместе с требованием логической структуры в универсум представления, с одной стороны, входит требование связности возникающего в представлении мира. С другой стороны, универсум представления получается как результат работы субъекта над универсумом конструирования. При этом непосредственное развитие универсума конструирования происходит путем его переопределения. Это – важный момент, который отражен в учении об актуальном членении предложения. Коротко его можно изложить так: во всяком предложении есть что-то, что человек уже знает, и что-то, что он из него узнает. Первое называется "тема", а второе - "рема". Неклассический аспект рассмотрения актуального членения состоит в том, что в ходе прочтения текста соотношение темы и ремы меняется. После прочтения предложения рема становится известной, и входит в общую совокупность известного человеку. Таким образом, субъект, читающий текст, непосредственно производит тематизацию ремы. Но и универсум конструируется именно актами и мы, благодаря возможности различных актуальных членений, имеем возможность различно переопределять универсум мысли. Причем здесь опять-таки интересная возможность. В тот момент, когда мы его выстраиваем, его еще нет. Но, когда мы его уже выстроили, мы имеем возможность как бы заново его переопределять.

Для такого переопределения универсума конструирования, в частности, необходимо осуществление разных видов тождества. А именно, нужно осуществлять субъективное тождество, объективное тождество, и предметное тождество.

Простой случай отсутствия предметного тождества – если разные люди читают один текст "разными глазами". Но то же происходит иногда, если человек, перечитывая давно прочитанную книгу, восклицает: "Боже мой, я этого раньше не видел/понимал!". Эта знакомая многим ситуация обрисовывает предметное нетождество.

Но возможно и другое, объектное, нетождество. Пусть имеется правильно понимаемое мною определение некоего объекта. Вообще определения нужны для того, чтобы по меньшей мере типологизировать объекты. Я могу прикладывать это определение, в рамках своего понимания, к разным возможным объектам, интерпретировать на разных объектах. Такая ситуация постоянно возникает при возникновении новых объектов. Особенно явно это прослеживается в случае, когда предметная область постоянно обновляется, как это происходит в фольклоре. Например, я интересуюсь жанрами текстов, в частности, сказками. Я говорю о некоем тексте: "да, это сказка", и все определения подходят. Теперь смотрю на другой текст, например, Хармса. Он назван "сказкой", но, пытаясь приложить определения, вижу, что часть подходит, а часть – нет. Объект начинает "плыть", получается каким-то кентавром. Есть тождество субъекта, есть тождество предметов, я понимаю, о чем идет речь, а объект как-то не отождествляется. Одна часть отождествляется с одним предметом содержания, другая часть – с другим, а в целом объекты, составляющие ситуацию представления, оказываются неотожествленными. Таким образом, моя попытка изучения объекта осталась незавершенной. Возникшие объектные определения не сложились в единое самостоятельное определение. Причины такой неудачи могут заключаться как в моей неспособности правильно подойти к определению объекта, так и в том, что мое восприятие чего-то как объекта не соответствует действительности, а также в том, что у меня пока еще недостаточно развиты средства определения, работающие в данном конкретном случае. Под действительностью я тут понимаю самостоятельное существование объекта.

Я могу привести пример, близкий фольклористам – былички, т.е. народные рассказы о необычных приключившихся ситуациях. Есть тип рассказов про то, как человек идет, разговаривает с кем-то, потом вдруг очнулся – и никого рядом нет. Былое тождество собеседника исчезло. Здесь достаточно сложный момент. Разговор был на кого-то направлен, имел интенцию. Но при попытке определить собеседника последний исчез, что не позволяет рассказчику его как-то назвать. Если он говорит, что это леший, тот

тем самым собеседник опредмечен, и предмет найден. Тем самым ситуация предметного нетождества превращается в наличие предметного тождества посредством номинации. Если же человек не может выразить словами, назвать содержание своих переживаний, своего опыта, то здесь отсутствует фиксация предметного тождества, и, в целом, само предметное тождество.

Как интерпретировать эти самые былички в аспекте непосредственной данности? Известные нам факты дают основание для эмпирического обобщения: мир всегда реально переопределяется. Это замечание практически совпадает с феноменологическими и герменевтическими установками на описание текущего состояния вместо описания состояния, которое должно (или должно было) быть. Попытки выделить некоторый логически заданный, описанный и прочий мир исходят из желания иметь что-то совершенно или абсолютно прочное, стабильное и т.д. Но реальный мир действующего человека не таков. Действительный человек живет в несовершенном и неабсолютном мире. В моменте переконструирования мира имеется объектное тождество, иначе была бы следующая картинка: есть одно состояние, затем другое, а связи между ними нет, и одно состояние "не помнит" о другом. Такой набор существований не будет единым миром, разве что мы введем дополнительные метатеоретические принципы связи состояний, как это делали, к примеру, Декарт и Лейбниц. (Подробное рассмотрение этой темы превышает возможности настоящих лекций.)

Но следует сказать, что одного лишь объектного тождества недостаточно для корректного описания моделирования мира субъектом. Необходимо рассматривать также предметное и субъектное тождества. В частности, для более подробного рассмотрения различия между предметным и объектным тождеством необходимо явно ввести понятие факта.

Факт необходимо определять соотносительно с событием как иной вид акта. Уроки теории относительности заключаются, в частности, в том, что природное событие в мир физика не входит без соотнесения с системой отсчета. Тут-то и возникает факт как представление события в мире исследователя. "Факт" есть ничто иное

как "установление некоторого события в терминах определенной интерпретирующей схемы". Но – что следует из этого определения – факт, в отличие от события, попросту не существует без номинации, то есть фиксации в текстовом представлении. А номинация предполагает классификацию сущностей, определяемую подразумеваемой онтологией. Тут речь идет как о знаковом, семиотическом аспекте, так и об онтологическом (инвариантном семантическом) аспекте.

Однако есть и другая сторона в установлении фактов – ощущение независимости факта. Оно, в частности, и является реальным психологическим основанием всех попыток создания жестких систем описания мира, жестких классификаций. Независимость факта выражается в том замечании, что событие, поскольку оно непосредственно есть не что иное как взаимодействие, принадлежит сфере объектов, а факт, поскольку он непосредственно есть не что иное как фиксация феномена, принадлежит сфере предметов.

Таким образом, возвращаясь к проблеме создания универсума представления и спецификации его содержания, мы видим, что содержание мира задается в представлении синтезом компонентов, имеющих объектное, субъектное, предметное и семиотическое содержание. И чисто логическая точка зрения состоит в том, чтобы задать некий совершенный объект, инвариантный в субъектном, объектном и семиотическом срезах. Основные структуры такого объекта универсальны, что показывают разные исторические способы построения логики. Где бы ни возникала логическая мысль – на Западе, или на Востоке – не имеет значения, потому что везде начинается примерно с одного и того же. Это классификация способов рассуждения и типологизация сущностей, представляющие собой фиксацию жизненного мира. Инвариантность этих структур жизни в мире остается наблюдаемой в любой культуре и воспроизводится на всех уровнях традиции. Говорят, что Запад – есть Запад, Восток – есть Восток. Да, конечно. Но никуда не деться от таких структур жизни, как дети, еда, смерть и т.п. – это жизненные инварианты человека. Отношение к ним в разных культурах может быть другое в деталях,

которые для кого-то и важны. А базисные структуры – одинаковы. Предметность может быть изменена, но объективные основания везде одинаковы.

Возвращаюсь к рассмотрению начала и оснований. Принципы – это некие начала и основания. "Принцип" по латыни означает первое. Интересно заметить, кстати, что во многих областях знания собственно наука (или самостоятельная наука, или классическая наука) начиналась с тех или иных начал или принципов, классически изложенных. Например, "Начала" Евклида. Или Ньютон – "*Principia mathematica philosophia naturalis*" = "Математические начала естественной философии".

Что значит начала? Это – то, с чего начинают, основания, самое первое. Аристотель говорил, что рассмотрение начал ведется ради разрешения возникающих в остальном затруднений и ради познания остального. Это, по сути, совпадает с современной исследовательской позицией, когда предполагается, что в мире есть явления и нечто нам является.

Начальная структура современной исследовательской позиции примерно такова: перед исследователем находится мир как клубок каких-то вещей, оснований, обоснований, а к нему навстречу торчат концы разных данностей, не совпадающие с вещами самими по себе. Тут возникает проблема: чему в этом лабиринте следовать как руководящей нити?

Обычно исследователь принимает решение следовать чему-то естественному. Так, в Средние века следовали авторитету внешнего установления, по большей части имеющего приоритет древности.

Несколько более развитая позиция, в которой исследование становится самостоятельным, выбирает в качестве ориентира собственную способность размышления исследователя. Декарт назвал эту способность "естественным светом разума". И вследствие принятия этой позиции естественно возникают характеристики видения вещей в естественном свете разума, – ясность и отчетливость. Естественно выделить – в свете разума – мы можем лишь то, что выделили ясно и отчетливо, а иное не пройдет сквозь сито разума. Но следующий существенный вопрос – вопрос о свидетельствах

реализации ясности и отчетливости. И мы заново оказываемся в семиотической ситуации.

Дело в том, что опыт отделен от переживаний. Гносеология, вообще говоря, по этапам своего развития различается в соответствии с тем, сколько уровней существования знаний она выделяет. Скажем, греки выделяли два начальных уровня существования: знание и мнение. И дальнейшее развитие мысли происходило внутри знания. Но основная гносеологическая задача состояла в том, чтобы различить знание и мнение, т.е. доказать, что то, что ты сам знаешь, – это знание, а то, что знают все другие – это мнение. Это, по сути, софистическая задача. Надо сказать, что она имела некоторые реальные основания, связанные с действительностью языка. Если человек встает на позиции софистов, то он рассматривает язык как средство непосредственного воздействия. Иначе говоря, если есть софистическое воздействие на кого-то, то действует не содержание мысли, а убедительность высказывания. Язык тем самым рассматривается как некое орудие, как нож, кисть, благовоние и прочие вещи, прямо действующие на человека.

Кстати, современная позиция существенно соприкасается с софистической. Это связано с тем, что в XIX веке начался распад классической рациональной установки, нацеленной на экспликацию содержания высказывания при относительном равнодушии к его форме. Началось восприятие языка как средства прямого воздействия. Конкретный пример – фрейдизм. Фрейдизм истолковывает такие акты человека как сновидения, высказывания, действия и проч. Этим актам в фрейдизме придается психологическое значение. Однако истолковываются они не по прямым значениям, а по тому, какие мотивы могли действовать на создание этих значений. Т.е. неважно, какую концепцию выдвигали Геббельс, Эйнштейн или Павлов, важно как у них складывались половые отношения. Эти отношения, как импульсы, ведущие к созданию чего-либо, должны объяснить все действия человека, включая создание им научных теорий. Приведенная позиция истолкования – не имманентная, не внутренняя, а напротив, чисто внешняя. Действительно, фрейдизм – это некоторый аналог бихевиоризма, только не в сфере поведения, а в сфере психики.

При этом некоторая правда жизни в позиции, занимаемой фрейдизмом, все же присутствует. Научные теории возникают не только потому, что в них есть потребность, но и потому, что возник человек, который в частной форме собственных рассуждений выразил интересубъективную реальность. И особенности его личной жизни образуют необходимый фон для активизации его внимания в нужном направлении и для его способности сформулировать новое знание.

Позитивные стороны как одной, так и другой позиции можно объединить, если рассматривать самостоятельность двух планов существования знака. Один – это построение конструктивного универсума, когда в актах семиозиса возникают знаки. Другой – это порождение содержания в тех же актах. Понятно, что эти аспекты взаимодействуют, переплетаются и прочее. Вам, как филологам, это должно быть даже более ясно, чем мне. Таким образом, мы в нашем знании и познании изначально находимся в семиотической ситуации с двойным непосредственным существованием – самого знака и его содержания.

Я приведу пример такого конструирования: апорию Зенона. Он говорил, что число вещей в мире и конечно, и бесконечно. Это пример конструирования представления (текста), непосредственно выраженного в системе знаков. С другой стороны, его непосредственное смысловое содержание – апория.

Итак, почему число вещей в мире конечно? – Это естественная позиция древнего грека, рассматривающего мир как Космос. Космос, в отличие от Хаоса, конечен, красив, одушевлен, круглый и поёт. Конечность же числа вещей в мире следует из констатации того, что их ровно столько, сколько есть – ни больше, ни меньше.

А бесконечность вещей в мире Зенон доказывал так: "Есть две величины, есть граница между ними, и граница между ними – это третья, отдельная вещь. Значит, поскольку она является вещью, у нее должна быть своя граница, и так до бесконечности".

Само по себе представленное выше рассуждение еще не апоретично. Но нашим предметом сейчас не является то, бесконечно ли, так сказать, по факту, число вещей в мире, или нет. И это, как ни удивительно, совпадает с подходом Зенона. Он тоже обращал

внимание на противоречие конструктивное. С одной стороны, объектов в мире ровно столько, сколько есть. А другая сторона выявляется в результате рассуждения: получается так, что мы по каждому единичному объекту начинаем строить некоторую уходящую в бесконечность систему объектов. И получается, что объектов не столько, сколько есть, а больше. Вот действительное противоречие, заложенное в этом примере. Это противоречие между тем, что вещей в мире ровно столько, сколько есть, и одновременно больше, чем есть на каждый момент нашего рассмотрения. Неявной предпосылкой такого рассуждения является также единственность мира, к которому относятся как предметы, так и изменяющие их акты.

Это чистый пример конструирования, ход мысли у Зенона сконструирован. Он предметно представил ту идею, что невозможно точно определить число актуальных объектов в мире, в силу того, что наше представление само является актом, меняющим актуальное состояние мира. Но это и хороший пример того, что конструктивный универсум заново создается и пересоздается и выходит за границы прежнего универсума. Границы конструктивного универсума размыты, и число единиц (индивидов), сущих в мире, оказывается ограниченным и бесконечным в одно и то же время. Сделаем феноменологическое замечание: это возможно благодаря простому акту переноса внимания. Здесь существенно важны моменты тождества предмета и моменты тождества мысли о предмете. Мысль отступает от предмета в глубь себя, и преобразуется в себе, пока не наступает пора следующего удара внимания в предмет. Можно сказать так: мысль течет среди своих предметов и ощущает их как камни в ландшафте, или деревья на пути, которые меняют течение потока мысли. Есть периодический перенос внимания с одного предмета на другой. А что происходит между обращениями внимания на предметы? Мысль как-то движется. Она должна быть себе тождественна. И в то же время у нее вроде бы нет своего содержания. Вот именно это отсутствие предметного содержания мысли и есть содержание, описываемое рефлексивными категориями.

Реплика из аудитории: Т.е. процесс, который внутри себя тоже определен и, опять же, он определяется извне, по аналогии с подобными предметами.

Ответ: Процесс мысли определяется отчасти благодаря тому, что субъект самостоятелен. Отчасти же – потому, что самостоятелен предмет. А далее через предмет уже просвечивает самостоятельность объекта. И важно прежде всего различать, какие категориальные определения зависят от субъекта, а какие – от именно данного специфического предмета, т.е. требуются для его представления. И реальная подгонка мысли к предмету – это именно попытка накинуть на мир свою сеть понятий. При этом некоторые понятия не ложатся, что непосредственно свидетельствует о том, что мир является самостоятельным. Мы не можем конструировать мир в чистом виде, абсолютно. Тут есть парадокс, в первом приближении разрешаемый различием актов конституирования и конструирования: мы конституируем мир, что на деле является большим, чем его чистое конструирование.

Таким образом, имеется перенос внимания. И встает вопрос о том, как собственно возможен этот самый толчок внимания? Вроде бы мысль течет сама по себе и течет. А откуда берется пульсация внимания куда-то за ее пределы? Самое первое, что приходит в голову, это – что есть внешние воздействия, которые на себя обращают внимание. Представьте, что вы сидите в загородном доме и вдруг муха пролетает, или часы вдруг тикают. Было тихо-тихо, потом вдруг начинают тикать часы. Но они же на деле всегда тикали. И вдруг врывается их тиканье. С мухой – это внедрение более явно. А пример с часами показывает, что выбор внимания – сложная вещь. Нельзя сказать, что он чисто объективен или чисто субъективен.

Начало внимания образует отдельную интересную проблему, которой мы сейчас не будем специально рассматривать. Я хочу обратить внимание на одну из ее структурных компонент. Это выбор чего-то, когда у нас имеется пульсация внимания. Независимо от того, чем вызывается пульсация внимания, удар внимания, как введение первого в предположенном ряду, вносит различие в систему учета ситуации. Тут реализуется та самая принципиальная функция, или

функция принципа, о которой я говорил. Это функция предопределения места, предположения, введение дискретности как отграниченности. Введение принципа, другими словами, всегда выделяет. Интересно заметить, что по Аристотелю – непрерывное – это то, что делится всегда на делимые части. В этом смысле мир субъекта оказывается непрерывным, континуальным.

Существуют разные способы рассуждения о проблемах деления, из которых наиболее известны атомизм и континуализм. В континуальном варианте реальные вещи мира рассматриваются как делимые до бесконечности, по крайней мере, теоретически. И конструктивной проблемы тут вроде бы не возникает. В случае же атомизма возникает конструктивная проблема, которая фиксируется вопросом: "Как можно дойти до неделимых частей?" Если рассмотреть этот вопрос критически (т.е. выясняя условия возможности), то в типичных рассуждениях обнаруживается тонкий момент. А что значит "неделимая часть"? Я, допустим, делю стул. У него есть ножки, спинка, сиденье, подлокотник. Если я распилю ножку пополам, то один из кусков – уже не ножка. В смысле конкретного строения отпиленный кусок не является частью стула. Можно рассматривать деление предмета как его уничтожение, но иногда такое деление оказывается созданием предметов. Например, если от кучи песка убирать по песчинке с краю, то через некоторое время куча исчезнет. Но если я наметил центральную линию и начинаю убирать с нее песчинки, то через некоторое время у меня оказывается две кучки песка, разделенные этой линией. Т.е. в этом случае деление приводит к умножению сущностей. Понятно, что тут не абсолютная возможность. Т.е. бесконечное число кучек песка получить из одной нельзя. Но, тем не менее, имеет значение сам по себе тот факт, что отделение подобно анализу и разделению, оно может приводить к увеличению числа реальных или реализованных объектов. Интересно посмотреть, что предположено в таком случае представлением о целом? Или о единице (элементе)?

Единица (или элемент) – это всегда нечто целое. Чтобы рассмотреть формальные предположения, характерные для рассмотрения чего-либо в виде "целого", введем такую чисто

логическую характеристику моделей как сигнатура, однако сделаем отступление, касающееся различия между моделью и ее интерпретациями.

Вообще, модель – это всегда множество соотношений на неком базисном множестве, структура на множестве. Надо отличать модель и интерпретацию. Например, модель натуральных чисел – одна и та же, но в разных языках (системах представления) существуют разные ее интерпретации. Различение между моделью и интерпретациями можно довести и до логического предела. В ультраинтуиционистской концепции, к примеру, утверждается, что реально существует столько множеств натуральных чисел, сколько раз в истории человечества кто-либо правильно считал. Но доходит до таких случаев: туземцы из Новой Гвинеи говорили, что самое большое число – 287, потому что больше свиней не бывает...

Другая, можно сказать, личная интерпретация числового ряда состоит в личном переживании отношения к числу. Раньше к числам относились по-другому. Числа, так сказать, знали в лицо, лично, и называли как знакомцев. Это отношение к числам вроде бы почти исчезло в нашей компьютеризованной культуре. Однако оно постоянно воспроизводится в случаях как первичного обучения, так и даже в случаях развитого профессионального отношения к числам. Так, к примеру, об одном из крупных математиков XX века, Рангунатане (он профессионально работал в теории чисел), говорили, что для него каждое целое число до 1000 было личным другом. Т.е. он знал и различал эти числа иначе, чем люди, не имевшие к ним столь тесного отношения. Задумаемся, что значит "уметь считать", имея в виду также умения читать и писать. Это – умения грамотного человека. Он, во-первых, знает числа. Он, во-вторых, умеет ими пользоваться. И, в-третьих, он имеет к ним личное отношение как, с одной стороны, к входящему в его специальные интересы, а с другой – как к чему-то подручному, к тому, чем он овладел и что он употребляет. Поэтому понятны, например, соревнования математиков в древности – кто знает больше чисел – когда они говорили: "Я знаю числа до 100, до 150" и т.д. Это не тот смысл, что они могли перечислить все эти числа, вовсе нет. Дело в том, чтобы знать их

свойства. При этом человек, который умеет назвать числа, уже находится на первой ступени их знания. Он своим первоначальным знанием отличается от того, кто не умеет называть числа. Здесь явно присутствует такая форма овладения предметом как номинация. А номинация вводит объект, в этом ее конструктивный смысл. Получаем, что есть разные числа: количественные и порядковые. И это разные функции числа, которым нужно обучать отдельно.

Перейдем к формальным компонентам методологии, имея в виду проблему выделения "элемента", "целого" или "единицы".

Сигнатура, или множество операций, это характеристика модели. Она определяется в терминах "n-местности" или "n-арности" отношений. Так, множество одноместных (унарных) отношений составляет сигнатуру ранга 1. Двуместные (бинарные) отношения составляют сигнатуру ранга 2.

Одноместное отношение на множестве – это просто выделение какого-то элемента этого множества. И тогда оказывается, что, с одной стороны, всякий унарный элемент множества операций задается определением какого-либо элемента, а с другой стороны всякий элемент определяет одноместное отношение.

Тем самым задание элементов множества оказывается частным случаем задания операций на множестве. Заметим в сторону, что всякая операция на множестве является не менее чем бинарным отношением, а в случае нетривиальных операций – тернарным. И всякий элемент, если он выделяется как самостоятельная единица, должен иметь эксплицитное конструктивное определение, т.е. должен быть рецепт, как его строить. Этот рецепт построения – не что иное как набор принципов организации этого элемента, а в простейшем случае – его принцип.

Элемент может быть задан и внешним образом, т.е. объективно. Но в этом случае определяется индивид, а не тождественная единица. Например, когда дерево растет, у него есть определенная биологическая организация. Выделяя его в качестве элемента, мы можем иметь в виду именно этот экземпляр, т.е. выделять его в то же время и как непосредственно данный объект. Но такое выделение является особым действием. Оно принимает во внимание

собственную активность дерева, согласно которой оно растет именно здесь и сейчас. А как единицы анализа элементы задаются нами, нашим действием деления и выделения. Задание объектов вообще очень тесно связано с актами, с актуальностью. Именно в действии, каким является существование дерева, проявляется то, что оно – дерево. Если бы нечто всецело проявляло себя в своем существовании как кошка, оно и было бы кошкой. Т.е. внутренняя стянутость любого компонента мира, внутренняя его определенность, жесткость, как раз и задает определенные границы для того, чтобы мы разделяли мир и вещи на элементы не в абсолютном произволе, а в некотором соответствии с различенностью вещей мира. Математик назвал бы это соответствие "гомоморфизмом". А актуальную "стянутость вовнутрь" каждого сущего в мире, или акт "стянутости-в-себе" можно, вслед за Уайтхедом, назвать "конкретированием", или, вслед за Н.Гартманом, "консистированием".

Разделяя предмет на элементы, мы уже выходим за пределы налично данного в первичном восприятии предмета, создаем новые предметы (и стоящие за ними объекты). Всегда изначально задана некоторая предметность, и мы начинаем работать в ее пределах. Но если мы начинаем ее делить слишком мелко, то выходим за ее пределы. К примеру, если мы начинаем делить спичку, желая получить несколько возможностей зажечь сигарету, то через некоторое время просто реально не получится ее делить.

Вообще здесь очень существенный момент, связанный с тем, что деление имеет разные результаты. Дальнейшее построение предметности как того, что актуально есть в наличии, находится в зависимости от того, какие результаты деления вы рассматриваете как реальные объекты. Это хорошо видно в относительно стандартном примере анализа – делении чего-либо на части. Такое деление в разных культурах реализуется по-разному. Скажем, у вас есть палка, вы ее делите, ломаете. Что тут получается в результате деления? На самом деле в реальном делении есть объекты трех типов. Во-первых, это два куска, которые имеют одинаковый тип существования, это два объекта одного типа. Второй тип объектов – получающиеся при этом крошки или опилки. А третий тип объекта является пустота (или воздух)

между кусками и крошками. Ни пустота, ни воздух, очевидно, не являются ни крошками, ни кусками палки.

К примеру, Демокрит эту задачу деления решал, признавая результатом деления объекты первого типа. Мы делим палку, доходя до мельчайших неделимых кусочков, которые есть атомы деления. Индусы рассматривали фактически ту же самую ситуацию по-иному, признавая результатом деления объект третьего типа. Вот пример соответствующего рассуждения. Мир можно рассматривать как некую сплетенную ткань. Возьмем тонкую нить, раскрутим ее. Получатся более тонкие ниточки, и между ними – пустота. Потом каждую более тонкую опять раскручиваем, получают еще более тонкие ниточки, а между ними – пустота. И, в конце концов, остается пустота, то есть ничего не остается. Т.о., существенно разные мировые структуры получаются в зависимости от того, что считается реальным, т.е. какому результату деления придается реальный статус. У индусов – Майя, скрывающая реальную пустоту. Откуда берется представление о реальности пустоты? – из рассуждения о пределе деления, придающего, в общем-то, мысленной конструкции реальный статус. У греков – некий чувственный мир, который покоится на чем-то твердом, прочном, неизменном. Но статус существования как у Демокрита, так и у Платона задается одинаковыми операциями.

Замечу, что есть еще и третья возможность, о которой я сказал и которую не рассматривали ни индусы, ни греки: что могут быть какие-то крошки, которые не являются ни пустотой, ни самостоятельными кусками сущего.

Подведем некоторые промежуточные итоги.

При построении конструктивного универсума человек исходит из начальных пунктов, на которых он начинает все строить. Эти начальные пункты сам субъект реализует неким актуальным образом, что означает – они являются непосредственно субъективными. При этом они являются также и опосредованно объективными, поскольку в принципах выделения изначально присутствует нечто объективное. Объективность и субъективность в нашем сознании и осознании зависит от того, какой тип существования мы предполагаем изначально существующим.

Каждая наука имеет свои специфические средства, с помощью которых и проводится различие ее предмета. И эти средства имеют определенный уровень точности, за которым предметы неразличимы. Соответственно, мир, который рассматривают через призму этих средств, данный лишь посредством этих средств, до некоторого масштаба различия уточняется, а дальше – нет. Тем самым оказывается, что этими именно средствами он делится на части вплоть до предела разрешения. И из этих частей как из кирпичиков строится картина мира.

Однако последние различимые (выделяемые) при помощи наших средств части мира оказываются в особом статусе по отношению к миру. Они ему принадлежат генетически, по способу их получения. Но они не могут быть верифицированы так же, как все прочие части этого мира. Действительно, они суть последнее, что мы можем реально различить. Но при этом мы не можем проверить сами используемые нами средства различения, поскольку на этом уровне различения они не могут быть "откалиброваны". Дойдя до "последних реальных" результатов, мы должны восполнять их разделенность иными средствами, или же, напротив, продолжать деление в абстракции. Абстракция же эта, чтобы ее можно было соединять с предшествующими ей реальными средствами, должна быть не простой, а продолжающей качественно наш способ отношения к предметам мира.

Получается, что между реально делимыми (на данном уровне развития наших средств) кусочками лежит либо наше абстрактное дальнейшее деление, либо некая мировая связь. И то, и другое осуществляется мыслью по неким принципам. Принципы, по которым элементы мира "должны" соединяться, суть не что иное как философские принципы. Но оказывается, что они – не единственны. Прежде всего, потому, что не единственна логика. Не единственной являются также и система категорий. Не единственна и система принципов связи мира. Поэтому невозможно всерьез говорить о какой-то одной философской конструкции как о единственной. Напротив, всякая философия описывает предельные связи мира в отношении именно своего предмета, предмета, который выделяется в

данной концепции в качестве основного. Можно сказать и более того, что текст имеет явное философское содержание, если в нем явно представлены общие способы связи либо мира в целом, либо его элементов, компонент, составляющих.

Истинность философской конструкции невозможно определить по той причине, что истинно то, что можно определить и проверить с помощью наших средств различения. А в случае собственного предмета философии – способов и конструкций связи мира – мы как раз и находимся на пороге истинности. Заметим, что логика (как универсальное средство проверки истинности) не работает в области как собственных, так и внелогических оснований – в области определения аксиом, установления базовых определений и выбора правил вывода.

Поскольку нет способа реально, практически различить и тем самым обосновать истинность философских конструкций, то оказывается применимым иной критерий в отношении к философствованию – универсальность. Реальным вопросом, учитывающим своеобразие и действенность каждой философской системы, будет вопрос: "Насколько универсально позволяет данная философская система сконструировать мир так, чтобы в нем нашлось место другим мирам, сконструированным в других системах?"

Завершая тему, скажу, что, к примеру, чисто онтологические или чисто гносеологические системы сейчас не в моде, по-моему, именно вследствие общего разочарования в результатах попыток выдвинуть всеобъемлющую систему философии. Философствование в настоящее время переходит на позиции методологические, а попытки построить чистую гносеологию или чистую онтологию никем не воспринимаются как достаточные.